

На правах рукописи

ЗЕЛЕНИНА Анастасия Александровна

УДК 101.1:316.37(043.3)

ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ
В ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ

09.00.11. – социальная философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск - 2006

Диссертационная работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Борис Анатольевич Родионов

кандидат философских наук
Александр Владимирович Мерзляков

Ведущая организация: ГОУВПО «Ижевский государственный
технический университет»

Защита состоится «__» _____ 2006 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета К.212.275.03. в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, д. 1, корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

О. В. Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В настоящее время научный дискурс, использующий в построении социальных конструкций гносеологический подход противопоставления субъекта и объекта, подошел к своему пределу. Этот предел можно обозначить как исчерпание субъективности. Бытие субъективности неизбежно входит в режим экзистенциальной нехватки смысла и принимает существование в различных конструктах «не-свойственности» или «чужеродности». Объективирующий принцип познания идентифицирует все, кроме идентифицирующего субъекта. Субъект элиминируется из пространства идентификации и оказывается либо неидентифицируемым, либо пуст.

Процессы глобализации, развивающиеся в современном обществе, привели к возникновению феномена «ускользающей» идентичности, которая не позволяет социальному индивиду идентифицироваться в традиционных структурах социальности. Попытка «схватывания» неидентифицирующейся идентичности стала актуальной для целого ряда наук. Она исследуется в психологии, социологии др. дисциплинах, хотя постепенно становится объектом междисциплинарного знания. Ее дифференциация в поле науки происходит через фрагментацию идентичности как объекта исследования. Чем более мелкие фрагменты выделяются, тем яснее становится проблема сохранения идентичности как целого. Половая, этническая, национальная, религиозная, личная, возрастная, ролевая и прочие идентичности, все чаще характеризуются в «эффектах» потери, диффузии, спутанности, подмены и т.д.

Современное состояние социальной реальности характеризуется кризисом идентичности, который имеет те же основания. Бытие социальной субъективности, предъявленное через структуры идентификации, представляется в нехватке субъективности, которая понимается как нехватка идентичности.

Появилась необходимость так связать бытие субъективности со структурами идентификации, чтобы стало возможным «схватывание» «ускользающей» идентичности через установление субъект-объектного тождества, позволяющего самоидентифицироваться социальному бытию как целому или самоопределиться социальной субъективности в структурах само-идентифицирующегося дискурса, имеющего смысл.

Степень разработанности проблемы. Исследование бытия субъективности является прерогативой позитивной и негативной онтологии, которые принято разделять по способу обращения с категорией «бытия». Среди основных представителей традиций позитивной онтологии

необходимо назвать Ф. Шеллинга, М. Бубера, Г.-Г. Гадамера, С. Кьеркегора и М. Хайдеггера. Негативная онтология представлена в идеях деконструктивистского постмодернизма Ж. Батая, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, М.Фуко.

Бытие структур субъективности, в их выразимости, представимости задается в концепциях лингвистического структурализма Э. Бенвениста, Ф. де Соссюра. Языковые структуры субъективности открываются в психоанализе Ж. Лакана, расширяются на сферы литературной реальности в концепциях Р. Барта, Ю. Кристевой, П. де Манна, переносятся на область этнологии в структурной антропологии К. Леви-Стросса.

Бытие социальной субъективности в ее неопределенности представляется в позициях Б. Вальденфельса и А. Шюца, структурируется в концепции С. Жижека, доводится до предела и обесмысливается в работах Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, М. Фуко.

Возможность сохранения смысла субъективности в структурах языковой реальности гарантируется тождеством бытия и языка, прокламируемым в герменевтике Г.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, которая развивается в работах Ж.-Л.Нанси, П. Рикера.

Существует целый ряд работ отечественных философов, посвященных исследованию и критике философии постмодернизма. Среди них труды Н.С.Автономовой, А.В. Гараджи, Е.Гурко, И.П.Ильина, М.К. Рыклина, А.А. Костиковой, В.Куренного, В. Подороги, М.М.Субботина. Герменевтический дискурс развивается в работах В.В. Бибахина, О.Н. Бушмакиной, М.В. Желнова, В.П. Руднева. Тема идентификации индивида оказывается одной из основных, как в психологии, так и в социологии. В психологии признанными исследователями в разработке проблемы идентичности являются Р.Бернс, Дж. Марсиа, Э. Эриксон и др. Пограничные исследования идентичности и процессов идентификации привели к образованию понятия «социальная идентичность». Классиками этих исследований считаются основатели теории социальной идентичности и самокатегоризации - Дж. Тернер, А. Тешфел; представители интеракционистской школы - И. Гоффман, Дж. Мид, а также школы социальных представлений - М. Заваллони, С. Московичи. Не менее важны работы М. Бананджи, В. Ватермана, М. Куна, Ч. Кули, К. Левина, Х. Маркуса, А. Маслоу, П. Нуриуса, К. Роджерса, М. Синнирелла, В. Свана, Т. Хиггинс, К. Хорни, развивавших понятие Я-концепции. Среди отечественных исследователей необходимо выделить И.С.Кона, полагавшего идентичность как динамический конструкт, Л.С.Выготского, понимавшего идентичность как культурно-

исторический продукт развития психики. Идентичность как многоуровневую и многокомпонентную структуру рассматривали В.С.Агеев, Г.М. Андреева, Б.Г. Ананьев, В.С. Мухина, В.А. Ядов. Временными аспектами становления идентичности занимались К.А. Абульханова, М. Розенберг, Г. Каплан.

Проблема идентификации в постиндустриальном обществе разрабатывается в трудах, как зарубежных, так и отечественных авторов З. Баумана, У. Бека, Д. Белла, Т. Веблена, Э. Гидденса, Д. Гэлбрейта, П. Козловски, О. Тоффлера, А.Ф. Зотова, В. Л. Иноземцева, И.И. Кравченко, В.А. Лекторского, В.М. Межуева, В.Г. Федотовой, и др.

Тем не менее, проблема онтологии субъективности в поле социальной идентификации, в которой социальная реальность могла бы быть представленной в языковых структурах осмысленной субъективности самоидентифицирующегося социального субъекта, до сих пор еще не была представлена в исследовательских дискурсах.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является бытие социальной субъективности в дискурсе идентификации. В качестве предмета исследования рассматривается пространство социальной идентификации в структурах самоопределяющейся идентичности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы – представить бытие субъективности в дискурсивном поле социальных идентификаций. Для достижения этой цели необходимо решение следующих задач:

- установить пределы идентификации индивида в структурах повседневности;
- обнаружить пределы социальной идентификации в поле науки;
- определить пространство идентификации между монадической и номадической субъективностью;
- выявить способы идентификации в структурах коммуникативного пространства;
- раскрыть самоидентификацию кроссирующего субъекта в поле социальной реальности.

Теоретико-методологические основания исследования. Поскольку онтология субъективности в смысловом воплощении предстает как идентификационный процесс, постольку его итогом или завершением должно быть обретение идентичности. Успешной идентификацией будет обретение смысла, а в случае неуспеха идентичность окажется пустой.

По способам бытийствования идентичности в современных философских и социологических концепциях можно выделить, во-первых, бытие идентичности в процессах объективации. К данным теориям относятся практически все социальные теории, где идентификация рассматривается как социализация, которая предстает как полная объективация, где субъект объективируется в поименованных позициях, знаках в тексте социального. Здесь нам интересен концепт «слепого пятна» П. Бурдьё, являющийся производным операции «двойной объективации». Процессы объективации субъективности разворачиваются в теоретических конструктах Бергера, Б. Бергер, П. Бурдьё, Б. Вальденфельса, Т. Лукмана, Н. Лумана, Р. Коллинза, А. Шюца, Ю.Л. Качанова, Н.А. Шматко.

Объективированное бытие идентичности на пределе смысла представлено в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, М.Фуко. Идентификация объективированной субъективности в символических структурах задается через дискурс не-хватки смысла с эффектами запаздывающего «Я», где дискурс «Другого» оказывается положенным в основу дискурса субъективности. Такое понимание идентификации находит отражение в концепциях Б. Вальденфельса, С. Жижека, Ж. Лакана, Э. Левинаса, Ж. Липовецки, Ю. Кристевой. Идентификация в формах абсолютной субъективности задается в ее крайних точках «Бога» и «Ничто» в концептах Э. Левинаса, М. Штирнера.

Понятие об «ускользающей» идентичности в структурах глокальной социальности раскрывается в работах З. Баумана, У. Бека, Э. Гидденса, что позволяет обратиться к представлениям о номадической субъективности, заданным в работах Ж. Делеза и развивающимся в позициях Д. Смит и Р. Брайдотти. «Схватывание» «ускользающей» идентичности оказывается возможным при условии рассмотрения второго способа бытийствования идентификации посредством конституирования в структурах самоопределяющейся субъективности. Его основания заложены в герменевтическом подходе Ж.-Л. Нанси, П. Рикера, М. Хайдеггера. Условием самоопределения бытия социальной субъективности как целого оказывается принцип аутопойезиса, обоснованный в концепциях Ф. Варелы, Н. Лумана и У. Матураны.

Проблемы в конструировании идентичности вызваны тем, что разрыв между «идентифицирующим» и «идентифицируемым» в дискурсе идентификации как между «представляющим» «представляемым» приводит к исчезновению идентичности и субъективности. Необходимо задать философский дискурс идентификации как дискурс самоидентифицирующейся субъективности через точку субъекта, способного к

самоидентификации как со-в-падению с собственным смыслом существования. Основой данного исследования стал онтологический подход, конкретизировавшийся в герменевтических концептах, которые позволяют задать социальное бытие как целостную субъективность, способную к самоидентификации в структурах языка в методе субъект-объектного тождества, уточненном в принципе аутопойэзиса.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

- установлены пределы идентификации индивида в точках его обнаружения как «социального тела», наделенного «не-собственным» именем и существующего в структурах повседневности как в пространстве «нулевой» субъективности;

- обнаружены пределы социальной идентификации в поле науки как в пространстве положения не-идентифицируемой доксической субъективности, заданной в точках объективированного индивида как монады социальной действительности и номады как «минус-субъекта» социальной реальности;

- определено пространство идентификации между монадической и номадической субъективностью как местоположение бессмысленного дискурса Абсолютного Идентификатора, предъясняющегося в структурах анонимного текста объективированной социальной реальности;

- выявлены способы идентификации в конструктах глокализации коммуникативного пространства, как эксклюзивное и инклюзивное саморазличение субъекта-номады в структурах картографирования топоса субъективности;

- раскрыта самоидентификация кроссирующего субъекта в поле социальной реальности как со-в-местность социального со-бытия выписывающегося текста авто-био-графии.

Положения, выносимые на защиту:

- пределы идентификации индивида в структурах повседневности как социального бессознательного предъясняются в точках абсолютной неразличности «социальных тел» в пространстве «нулевой» субъективности;

- пределы социальной идентификации в поле науки обнаруживаются как не-идентифицируемая доксическая субъективность, которая полагается в пустом пространстве «здорового смысла» через принцип объективности;

- пространство идентификации между монадической и номадической субъективностью задается в структурах дискурса Другого как «пустого» лингвистического субъекта;

- идентификация субъективности в конструктах глокализации коммуникативного пространства разворачивается в имманентных структурах ре-и-де-территориализации локальных топосов субъективности;

- самоидентификация субъекта в поле социального раскрывается как со-в-местное со-бытие социальной субъективности в экс-позиции знаков аутопойэтического текста.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в конструировании пространства идентифицирующейся субъективности, способной к само-определению в осмысленном автобиографическом тексте кроссирующего социального субъекта. Проведенное в работе исследование позволяет выйти за пределы объективированных представлений идентификации социальной субъективности, заданных в дискурсе Абсолютного идентификатора как не-идентифицируемого субъекта, и конституировать смысл в структурах самоидентифицирующегося текста социальной реальности. Использование результатов исследования может быть полезным при разработке ряда тем по современной социальной философии и при подготовке спецкурсов по проблемам социальной идентификации.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах кафедры философии УдГУ, излагались в выступлениях на всероссийской научной конференции. «Текст 2000. Теория и практика междисциплинарного подхода» (Ижевск, 2000), на всероссийской научной конференции «Раннее языковое образование: состояние и перспективы» (Ижевск, 2001), на пятой Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2001), на межрегиональной научно-практической конференции «Человек. Физическое и духовное самосовершенствование» (Ижевск, 2002), на Российской научно-практической конференции «Социальная работа: взаимодействие науки, образования и практики. Инновационные региональные проекты» (Павловский Посад, 2006) и были опубликованы в ряде сборников статей конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен 136 с. основного текста и 19 с. библиографического списка, включающего 305 наименований источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности в отечественной и зарубежной литературе, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются исходные методологические установки, научная новизна и научно-практическая значимость работы.

В **первой главе «Границы идентификации в объективированных структурах социального бытия»** определяются пределы идентификации социальной субъективности в пространстве повседневности и в поле науки.

В **первом параграфе первой главы «Пределы идентификации индивида в структурах повседневности»** устанавливаются в первичных границах определения повседневного через его отношение к неповседневному, где повседневность задается как пространство «по-всемирности» или «место»-положение нерелефлирующей субъективности социального бессознательного. Здесь повседневность как повсеместность существует в неразличности структур как исходная интуиция или тавтология существования, утверждающая «социальное есть». Онтология повседневности как повсеместности предьявляется как онтическое бытие «социальной вещи», существующей как «место» в социальном пространстве. Социальная данность на пределе субъективного существует как «нулевая» субъективность или расположенность пустых мест в социальном пространстве. Каждое «место» есть позиция индивида как «социальной вещи», заданная как его «социальное тело». Граница как отношение повседневного и не-повседневного обнаруживается через точку «нулевой» субъективности, которая предьявляется как «социальное тело» индивида или социальная позиция.

В «пустом» топографическом пространстве не-рациональной социальной субъективности координаты индивида устанавливаются «между» предельными точками «Своего» и «Чужого». Как пространство идентификации, оно существует «между» тавтологической неидентифицируемостью, не-различностью «Своего», как «места» «само-со-в-падения» индивида в бессмысленной тавтологии существования, и абсолютной различностью «Радикального Чужого» как места абсолютного «не-со-в-падения», обладающего «пустой» идентичностью. Пространство идентификации разворачивается как дистанция «между» «Своим» и «Чужим». Интуитивная полнота существования «Своего» существует в не-мыслимости социального бессознательного. «Чужое» как «не-Свое» существует в не-предьявленности социальной субъективности. Отношение «Своего» и «Чужого» раскрывается как

«пустой» дискурс «Своего», проговаривающийся из «пустого» места индивида. Поскольку индивид не обладает смыслом, постольку он не способен наделить им «Чужую» дискурсивность. Субъективность «Чужого» полагается в «пустое» место индивида, предъявляющегося как «пустой» знак или «индекс» в геометризованном пространстве социальной дискурсивности. Пределом идентификации индивида в дискурсе «Другого» как «Чужого» становится процесс присвоения ему имени как индекса, или имени «не-собственного» в топографическом пространстве социальной идентификации. Идентификация как именование задается в дискурсе «Другого» как дистанция между не-поименованностью индивида в полноте его существования, то есть его абсолютной анонимностью и именованьем как присвоением ему «не-собственного» имени, или «индекса». Индивид существует как «социальная вещь» или «социальное тело», маркированное индексом на границе «Своего» и «Чужого», где подлинность его существования подвергается сомнению в точке вопроса о сущности или смысле его существования.

Предел идентификации обнаруживает социальное бытие как повседневность или «пустое» со-бытие бытия, существующее между анонимной подлинностью социальной действительности как «нулевой» субъективностью и поименованной не-подлинностью геометризованного топографического пространства социальной субъективности, «лишенного» смысла и существующего в конфигурации «не-собственных» имен или «индексов» социальных индивидов.

Во втором параграфе первой главы «Пределы социальной идентификации в поле науки» поле научного дискурса представляется как пространство положения «очевидностей», становится «общим местом», которое структурируется как пространство доклических дискурсов.

Говорение «о» пред-полагает говорящего, который пред-ставлен голосом, исходящим из определенной позиции как позиции говорения. Поскольку обнаруживает себя голос, постольку присутствие самого говорящего обеспечивается говорением. Присутствие высказывающегося рас-полагается в пространстве высказывания. Высказывание как говорение «о» содержит в себе субъект высказывания, которым оказывается объект говорения как то «место», в котором пересекаются все перспективы высказывания или предикаты предложения. Из точки объекта говорения как субъекта высказывания выстраиваются дискурсивные перспективы, которые образуют дискурсивное поле говорения, заданное объектом. Говорящий субъект оказывается рас-положенным в дискурсивном пространстве объекта говорения. Как пространство субъекта

высказывания оно существует как «социальная реальность», но как пространство «объекта» говорения оно оказывается пространством социальной действительности. Говорящий субъект задается в пространстве социальной реальности и в пространстве социальной действительности. Располагаясь в социальной действительности он становится индивидом, способным к говорению. Поскольку все пространство социальной действительности есть объективированное пространство говорения, постольку каждая точка этого пространства обладает таким свойством. Это значит, что все индивиды в объективированном пространстве говорения не-различимы по этому свойству. Невозможно идентифицировать индивида, которому принадлежит голос.

Каждый индивид представляется в объективированном пространстве как «тело говорения». Вследствие не-различимости индивидов, во-первых, все пространство социальной действительности может быть структурировано как «общее место» всех «мест» говорения, где каждое место есть «квази-натура», «пустое» место. Здесь объект говорения как то, «о» чем говорят все, существует как «общее тело говорения», то есть как то, что известно всем и каждому, а значит, принадлежит всем, но не принадлежит никому. Другими словами, «общее тело говорения» не принадлежит ни одному из тех индивидов, которые говорят. Скорее, они сами включены в границы «общего тела». Из этого следует, во-вторых, что не-различимость, не-идентифицируемость индивидов как «тел говорения» предполагает бессубъектность говорения, то есть «место» говорения организуется через извлечение субъекта, существует как «минус-субъект», оказываясь пределом субъективности и пределом идентифицируемости в пространстве социальной действительности, где индивид представляется как «говорящая вещь».

На пределе субъективности социальная действительность открывается как социальная реальность, то есть возможное поле субъективности. Здесь субъективность, существует в состоянии «минус-субъективности», как пространство ее положения, как «пустое» место. Ее существование в качестве «общего места» предъясняется как пространство положения докического знания как обще-известного, очевидного. На пределе существования социальной действительности, она предъясняется в пространстве социальной реальности как «здравый смысл» или докса. Социальная реальность задается как пространство положения «оче-видности» как такой «прозрачности», которая оказывается полной видимостью, то есть она представляется как пространство положения субъектов, обладающих равной способностью видения. В отношении способности видения очевидного каждый из них вполне за-

меним любым другим из этого пространства положения видимости как «общего места».

Доксическое пространство как место-положение «нулевой субъективности» конституируется как область очевидности общеизвестного знания. Поскольку оно существует на пределе с социальной действительностью как предельной очевидностью, которая открывается с позиции «здорового смысла», постольку доксическое знание конституируется принципом объективности, предъявляясь как поле науки. Как пространство положения объективности оно все как целое должно быть противопоставлено или противоположено субъекту, то есть определять его как противоположенного, находящегося «за» пределами. Принцип объективности поля науки устанавливает субъекта на пределе доксического знания в трансцендентной позиции. Он оказывается положенным как абсолютная позиция видения, из которой просматривается каждая точка объективированной социальной реальности. Здесь социальное как объект для субъекта полагается в пространство очевидности как пространство видимости для субъекта. Поскольку объект это то, на что направлен взгляд субъекта, то, что ему представлено или противопоставлено как пространство видимости, постольку сам субъект как тот, который находится за пределами видимой объективности, оказывается невидимым.

Существование социальной действительности в принципе доксической очевидности задает ее в структурах неоспоримого знания как «здорового смысла». Здесь принцип объективности научного поля предъявляется как принцип не-сомненности или предполагает позицию субъекта как «точки априори», которая оказывается за пределами очевидной объективности, превращаясь в своем существовании в «виртуальный фокус» или «пунктирное место». С одной стороны, как «точка априори» абсолютная «точка зрения» есть точка конституирования очевидности как поля науки или пространства расположенной социальной объективности. Ее существование как точки не-сомненности задается через принцип объективности, где она существует как «абсолютно плотный объект», в поле не-прозрачности, или не-видимости. С другой стороны, ее не-представимость в поле «нулевой субъективности» как «доксической очевидности» устанавливается как «пунктирное место» субъекта, или «виртуальный фокус» через принцип не-очевидной очевидности как основания поля науки.

Субъект как исследователь, расположенный в «пунктирном месте» видит «все, кроме самого себя». Его виртуальное существование актуализируется в поле «нулевой субъективности» как доксический

дискурс. Поскольку ни один из субъектов не может быть обнаружен в поле «нулевой субъективности», постольку каждый из них в пространстве абсолютного видения существует как абсолютно не-различное не-идентифицируемое «пунктирное место».

Исследователь как «не-наблюдаемое» является не-наблюдаемым наблюдателем на границе научной субъективности, определяя ее из точки «виртуального фокуса» как «точки априори». Присутствие субъекта в пространстве нулевой субъективности устанавливается как неявленный принцип ее организации, который актуализируется в каждом шаге ее разворачивания в дискурсивном поле. Последовательность внутренних операций системы субъективности есть, во-первых, разворачивание базисного принципа или «точки априори», к которому отсылает каждое оперативное действие как к собственному не-явному «внешнему» пределу; во-вторых, отсылка каждой операции к пределу есть рекурсия системы, которая отсылает к самой себе, вступая с собой в отношении коммуникации. Дискурс формируется как структура автокоммуникации, в которой коммуникант и реципиент не-различимы как не-наблюдаемые «пунктирные места», а сообщение есть коммуникативная операция системы. Не-различимость адресата и адресанта позволяет системе продуцировать анонимную субъективность в каждом операционном шаге, где принципиальная не-идентифицируемость субъекта оказывается базисным условием аутопойэтической организации социальной реальности.

Не-идентифицируемость субъекта в границах поля науки оказывается основным условием ее внутренней организации в структурах нерелексирующей субъективности, где субъект существует парадоксально как абсолютно не-прозрачное тело, заданное принципом объективации, конституирующим существование поля науки в структуре «социальных вещей». Одновременно, он оказывается «виртуальным фокусом» субъективности, пустым «пунктирным местом» как не-наблюдаемым наблюдателем, анонимно существующим на пределе аутопойэтической социальной реальности.

Во второй главе «**Со-бытие социальной реальности в структурах идентификации**» выявляется, что бытие социальной субъективности в объективированных структурах идентификационного дискурса является анонимным и бессмысленным. Далее показывается, как на пределе существования смысла происходит возвращение субъективности в идентификационный дискурс, переконструирующее типографический текст социальной реальности в авто-био-графический текст самоименования.

В первом параграфе второй главы «Пространство идентификации между монадической и номадической субъективностью» показываются предельные состояния идентифицируемости социальной субъективности в аспекте монадности и номадности, задающие конструирование идентификационного текстового пространства субъективности в разрыве обращенного времени как причине ускользания смысла.

Идентификация субъекта в системе социального знания сопряжена с процессом производства текста социального, в котором «слепое пятно» проявляется в качестве знака текста или пред-заданного местоположения социолога. Такое слепое пятно в тексте социального по сути является симулякром, оно одновременно оказывается и центром, и пределом всей структуры. Симулятивный характер местоположения социолога указывает на отсутствие социального субъекта, то есть представляет собой пустое место. Существование точки социолога в качестве слепого пятна проявляет свойства монады как некоего непрозрачного, то есть плотного, неизменного и замкнутого объективированного места. В такой ситуации социальный дискурс оказывается скован недвижимым и недоступным смыслом, это просто мертвый дискурс. Иным способом, позволяющим придать дискурсу движение, является обращение к социальным практикам как дискурсивным следам присутствия социолога. Конструирование социального текста как пространственной структуры будет происходить через протаскивание дискурсивного ряда сквозь пустое место отсутствующего социального субъекта, то есть это место всегда будет заполнено социальным и только им в силу нехватки субъективности. Движение социального в такой системе только и возможно по причине отсутствия субъекта социального, место которого является идентификатором в системе, так как дискурс становится социальным только будучи пропущен сквозь место социолога. Такая инстанция структурирования социального является номадой, номадическим субъектом с отсутствующей субъективностью, кочевое движение которого в поле социального выстраивает и перестраивает структуру поля. Поскольку сам номадический субъект является идентификатором социального, социальность как поле структурирования служит как бы предъявлением номадического субъекта, его объективированной субъективностью, выраженной пространственно, в по-все-местном расположении объектов социального.

Пределом существования такой системы является Другой, как тот, кто не может быть пропущен сквозь номадического субъекта, не может совпасть с ним. Присутствие Другого задает иное направление иденти-

фикационного дискурса, вводя его в регистр пассивности, поскольку идентификатором в такой системе становится Другой, а номадический субъект может только отвечать на его присутствие.

Поворот идентификационного дискурса, источником и причиной которого является Другой, задает измерение обращенного времени, исключая номадического субъекта из настоящего. Время становится как бы изначально внешним по отношению к номадическому субъекту, удерживая его в пассивном регистре винительного падежа. Подобного рода отношение между Другим и номадическим субъектом является абсолютной дистанцией, вводя Другого в ранг Абсолютного Другого или Всевышнего. В дискурсивном аспекте это проявляется в том, что уже не субъект из-рекает, а всегда оказывается из-реченным в качестве темы, где абсолютным идентификатором становится Абсолютный Другой или Символический порядок.

Вынесение идентификатора за пределы субъективности влечет за собой децентрацию в структурах субъективности, проявляющуюся в первоначальном замещении субъекта означающим порядком. Идентификационный поток больше не имеет основы в субъективности, поэтому носит печать нехватки. Символический порядок, таким образом, подразумевает весь возможный субъективный опыт. Если и есть в такой системе настоящий Субъект, то им может быть только сам Символический порядок в лице Другого, однако эта отсылка к абсолютному субъекту может стать бесконечной, так как сам символический порядок не существует сам по себе, а поддерживается номадическим субъектом.

Идентификация номадического субъекта происходит в дискурсе нехватки как метафорическое движение означающих, где «Я» исполняет функцию символической связи. Такого рода идентификация изначально подразумевает элиминацию субъекта за пределы самого себя, изгнание в язык, потерю собственной аутентичности. Здесь обнаруживается невыразимость непосредственного существования и «пустота» лингвистического конституирования. Можно говорить о пустой идентификации в поле социального, где дискурс отсутствующего субъекта не имеет смысла.

Во втором параграфе второй главы «Идентификация в структурах коммуникативного пространства» идентификационный процесс рассматривается в категориях глокальности, как проходящий между точками эксклюзивности и инклюзивности. Результатом такого процесса становится конструирование или картографирование социальной субъективности в качестве топоса пустующего субъекта.

Основной проблемой многих современных идентификационных дискурсов является нехватка субъективности как нехватка уникального смысла. Субъект оказывается кроссированным лингвистическими структурами. Идентификация как процесс саморазличения пустующего субъекта реализуется в языковых конструктах, составляющих пространство бессмысленной субъективности. Номадический субъект кочует в дискурсивном символическом пространстве в поисках собственного смысла или точки само-со-в-падения, то есть точки идентичности как «точки пристежки».

Разворачивание субъективности в пространственных структурах дискурса рассматривается в терминах глокализации, когда пространство уже перестает соответствовать физическим характеристикам, а становится символическим киберпространством. Процесс глокализации приводит к идентификации индивидов в соответствии с их «территориальными возможностями». Одни, подобно монадам, находятся в замкнутом состоянии «местной» идентичности, их место-положение как из точки неподвижного наблюдателя строго фиксировано. Такие фиксированные места являются источником «контейнерной идентичности», когда индивид приравнивается к занимаемому им месту, перенимает все его уже пред-данные характеристики. Другие, подобно странствующим номадам, свободно перемещаются в глокальном пространстве, выстраивая траектории собственного развития. Их идентичность больше не зависит от определенного места, процесс идентификации в данном случае является процессом картографирования или выстраивания субъективного топоса, прокладыванием границ субъективности. Такое состояние субъективности не имеет опоры в уже созданных конструктах, поскольку место субъекта пусто и движение структурирования не может быть установлено и остановлено. Идентичность субъекта всякий раз конструируется заново.

Эти два способа существования предполагают два способа различения, конструирования субъективного пространства идентичности: эксклюзивный и инклюзивный. Эксклюзивный метод, следующий логике «или/или» поддерживает лакунарную идентификацию по типу монады, закрепляя ее соответствие определенному месту-локусу. Инклюзивный метод работает в логике «и/и» в формах двойной инклюзии, позволяя конструировать субъективное пространство по принципу делезовской складки. Идентификация по типу номады в этом случае представляет собой выстраивание границ субъективности через раскрытие мест. Такую идентификацию можно обозначить как трассированную, а процесс идентификации назвать картографированием.

Однако необходимо признать, что в случае номады такая идентификация является ускользающей, а само картографирование оказывается моделированием отсутствующего субъекта. Моделирование как воссоздание топоса субъекта в кибернетическом обществе приводит к угрозе лишения приватности, так как любой сбой в информационных персональных следах, случайный или нарочный, может вызвать подмену идентичности или ее потерю. Индивид здесь является ни чем иным, как «виртуальным» телом или информационным профилем. Виртуальная идентичность индивидов подразумевает их взаимозаменяемость, что лишает идентификацию всякого смысла. В обществе встает проблема поиска Абсолютного идентификатора, способного фиксировать виртуальную идентичность. Такой Абсолютный идентификатор как точка зрения Абсолютного наблюдателя является пределом идентификации, задавая субъективность на ее пределе. Иначе говоря, он в своей полноте есть все пространство полной идентификации, которое в своей завершенности существует как монада. Поскольку Абсолютный идентификатор задает все конфигуративное пространство идентификации через заданные места идентичности, постольку он существует как место производства идентичностей, существуя в своей не-идентифицированности как некий «считающий», который сам не может быть сосчитан. Его место в пространстве полной идентификации оказывается пустым. Производство идентичности осуществляется из пустого места абсолютного субъекта, который способен со-в-мещаться с любой точкой идентичности, то есть существует в не-установленной идентичности как субъект-номада, способный находиться в любой точке пространства идентификации. Как не-идентифицируемый идентификатор, индексирующий каждую точку пространства идентификации, субъект-номада всегда предьявляется как предел идентификации или «пустое» место идентичности.

Способность мыслить на пределе характеризует номадического субъекта, прочерчивающего концептуальный план собственного присутствия в процессах де- и ретерриториализации. Результатом этих двух возвратно-поступательных процессов является подвижный рельеф субъективности. Мышление номадического субъекта – это геомышление, проявляющееся в пространственных концептах смысла. Однако парадоксальностью существования номадического субъекта становится существование в состоянии бесконечной отсылки, когда его место-имения не тождественны смыслу. Эта парадоксальность обеспечивается децентрированностью номадического субъекта, его существованием в лингвистическом времени. Ситуация запаздывающего смысла или доопре-

деления смысла создает бесконечную отсылку от имени к имени, по сути это есть циркуляция пустого места, конструирующего бессмыслицу. Идентификация номадического субъекта в такой ситуации является ускользающей идентификацией или идентификацией с ускользающим смыслом. Сам номадический субъект представляет собой функцию самовозбудимой лингвистической системы, инстанцию-нонсенс, производящую эффекты смысла, оседающие в знаках бессмысленного текста.

В третьем параграфе второй главы «Самоидентификация кроссирующего субъекта в поле социальной реальности» происходит трансформация кроссированного субъекта в кроссирующего, являющегося автором осмысленного идентификационного дискурса.

Идентификация в современной социальной теории зачастую является идентификацией отсутствующего субъекта или идентификацией без идентифицируемого. Отсутствующего субъекта можно определить как кроссированного, то есть децентрированного символическим порядком, растворенного в пространственных структурах текста, автор которого не определяем, как не определяем и идентификатор. Возникает возможность утверждать, что не сам субъект создает идентификационный текст о самом себе, а текст пишет субъекта, трассируя его. Пустота кроссированного субъекта, субъекта-номады обусловлена тем, что он существует в обращенном времени и лишен настоящего. Субъективное время существует в разрыве между «еще нет» и «уже нет». Знаки идентификационного текста являются пустыми знаками ускользающего присутствия, они как бы создают рельеф субъективности, но не обнаруживают самого субъекта.

Проблема обращенного времени создает проблему первичности-вторичности субъекта, которая раскрывается в изначальной структурной неподлинности, что ведет к сущностной несобственности субъекта по отношению к самому себе. Таким образом, бытие кроссированного субъекта происходит как бытие не-сущего, то есть такого сущего, которое не совпадает с собственным существованием, что реализуется в лакановском «я мыслю там, где я емь, я емь там, где я не мыслю».

Пределом подобной виртуальной идентификации становится конец инаковости как любого возможного различения субъектов, что знаменует собой конец социального. Текст социального в данной системе становится типо-графичен, то есть полностью однороден и прозрачен. От понятий «стереотипа» и «типизации» в социологической науке мы приходим к понятию типо-графии как способа представления социального в пространственных структурах текста. Типографическое письмо социального в ситуации неразличимости вызвано нетождественностью,

разорванностью мышления и существования. Можно говорить о повседневном мышлении только в кавычках или же о повседневном существовании без мышления.

Лакановская «петля» обращенного времени снимается в традиции тождества бытия и мышления, что обеспечивает субъекта настоящим. Существовать уже более не значит изгоняться, но раскрывать собственную сущность в касании смысла. Категория письма используется здесь как процесс смыслового опространствливания субъективности, становления настоящего времени существования пространством смысла. Это есть идентификационный текст, который выписывается движением совпадающей с самой собой точкой тождества сущности и существования или точкой самоопределения субъекта, то есть идентификационный текст является опространствливанием существования как сущности. Такой текст представляет собой тело смысла или тело лингвистического субъекта, его текстовое воплощение. Текст становится местоположением смысла или субъективности, где субъективность структурируется в место-имениях лингвистического субъекта. Поскольку телотекст является пространственным в-местилищем субъективности, то мы можем рассматривать его как экспозицию, как выставленную напоказ субъективность. В понятии экспозиции совмещается бытие субъекта в аспекте объективированности, тождества субъекта и объекта.

Таким образом, кроссированный субъект становится кроссирующим, каждый раз совпадающим с самим собой, но находящимся в постоянном движении самоопределения смысла собственного существования. Он одновременно является и монадой и номадой как являющийся смысл.

Кроссирующий субъект является каждый раз в каждой точке своего существования, он един во множестве собственных предьявлений. Его режим существования это режим со-бытия как исхождения в присутствии. Идентификационный дискурс такого лингвистического субъекта разворачивается в форме авто-био-графии, где автором является сам субъект. Авторство субъекта обуславливает подлинность автобиографического текста, в котором раскрывается тождество Я \equiv Я.

Режим со-бытия, изначально предполагающий коммуникацию, вводит в текст существования субъекта социальное как бытие-в-месте. Возникает возможность утверждать со-общество в дискурсе со-вместности социального через экс-позицию смысла в знаках авто-биографического текста, который вы-писывается субъектом, в-писывая его в структуры социальной реальности.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, делаются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Концепция символического порядка психической реальности в психоанализе Ж. Лакана // *Cogito. Исследования по проблемам структурного психоанализа Жака Лакана*. Ижевск, 2000. Вып. №3. С.32-38.
2. Проблема символической актуализации субъективного существования // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Раннее языковое образование: состояние и перспективы». Изд. Дом «Удмуртский университет», Ижевск, 2001. С. 74-78.
3. Психическая реальность как текст // Сб. материалов всероссийской научной конференции. «Текст 2000. Теория и практика междисциплинарного подхода». Ижевск, 2000. Часть 2. С.86-88.
4. Проблема социальных идентификаций // Сб. материалов Пятой Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск, 2001. С. 97-99.
5. Онтология субъективности в аспекте идентификаций // Сб. материалов 30-й Итоговой студенческой научной конференции. Ижевск, 2002. С. 162-163.
6. Пределы идентичности // Сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции «Человек. Физическое и духовное самосовершенствование». Ижевск, 2002. С.157-158.
7. Идентификация индивида в структурах повседневности // Сборник докладов Российской научно-практической конференции «Социальная работа: взаимодействие науки, образования и практики. Инновационные региональные проекты». Павловский Посад, 2006. С.145-147.